

Сияющий маршрут — УВЕРТЮРА —

DANIL SAVELEV

Данил Савельев

Сияющий маршрут: Увертюра

<https://litres.ru/69013015>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первое большое произведение Данила "Орнамента" Савельева и приквел его магнум-опуса - комикса "Звездолётная Сказка".

Оригинальная публикация - 2023 год.

На вполне успешного клерка, господина Уилфреда Волокиту, только что вернувшегося из очередной командировки, некто всесильный, нахально вторгшийся в сакральное пространство его сна, взваливает обязанность "делать историю мира интереснее". С этого момента судьба подсовывает тихому, но, как оказывается - полному неожиданностей господину множество фантастических испытаний...

...

"Звездолётная Сказка" же расскажет, в том числе, и о потомке (пра-пра-пра...X28) Уилфреда Уильяме Волоките и об общем состоянии Вселенной после падения Верховного Единения.

Содержание

На круги своя	5
Точно по стандартному времени	13
Картонный параллелепипед и диалог на грани мира	17
Свистопляска начинается с очень бодрого утра	30
Ночь электронного таинства	43
Двойственный чай и великолепный подъём	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Данил Савельев

Сияющий маршрут: Увертюра

Художника забавлял каждый момент, когда она уходила в себя, задумывалась. Всё-то он пытался представить, о чём она, ничего ни о чём не знающая, могла думать? Её мысли представлялись ему лишёнными логики цветовыми всплесками, лентами, возникающими на тёмном экране, то и дело промаргивающем рябью.

Разумеется, Меланджалит никогда не видела ни телевизора, ни компьютера.

*- И никогда не увидит. Никто их не увидит...
- поставил Художник лицо под лучи молодого светила. Он позаботится о том, чтобы этот новый мир стал лучше, чем тот, из которого он пришёл.*

(0-1967)

На круги своя

Крупный пассажирский лайнер модели “Махаон” вошёл в атмосферу Санкт-Ворпала, и из пазов в его обшивке моментально вышла пара широких крыльев, из-за чего он, для наблюдателя с поверхности, действительно стал похож на насекомое, в честь которого назывался.

– На этом звездолёте летит господин Волокита? – с надеждой спросил маленький нэстан Биннэ своего отца, с которым они пришли встречать упомянутого.

– Полагаю, да. Только, прошу тебя, не употребляй больше этого слова, "звездолёт" – звучит как-то непрофессионально – ответил ему господин Квалтер Бинненгтаун. Он от всей души надеялся, что, окончив лицей, его дорогой сынок тоже отправится практиковать космические перелёты, чтобы

увезти отца из столицы куда-нибудь за Скаттернун, где существовала хоть какая-то возможность посвятить свою жизнь свободному искусству.

Их половинчатая семья жила на этаж ниже господина Волокиты и была очень с ним дружна. В те редкие моменты, когда тому доводилось далеко и надолго отлучаться, а то и вообще покидать Оплот, он обязательно заходил к ним с просьбой последить за состоянием домашних растений.

Сегодня они решили сделать ему такой себе сюрприз, ведь отсутствовал он рекордные тридцать два дня – один вигонский месяц! Уже два часа ждали они его появления у фонтана на обширной площади транспортного терминала "Новосанктувер-Главный" – огромного десятиэтажного здания, испещрённого самыми вычурными архитектурными изысками...

Вот впереди некий приличный с виду господин, тоненький как спичка, покачивается на своём огромном чемодане, то и дело вытирая нос платком; вот неподстриженная семрийка в аккомодатской пилотке катит платформу с чьим-то багажом, не справляется с управлением и весь багаж теряет, выслушивая после наставительные речи оказавшегося рядом жандарма; вот столб с цветочком из пяти циферблатов, самый большой из которых показывает стандартное время: 17:00, а пять остальных – время на планетах-столицах домен-губернаторств – и стрелки на каждом идут совершенно вразнобой, порождая не самую приятную визуаль-

ную полифонию... Биннэ нравились такие "переходные места" (как он их называл), где постоянно что-то происходит, где всегдалюдно, где все куда-то торопятся. Притом, понятно, что практически каждый там откуда-то приехал, или куда-то скоро уедет. И мир от этого огромен. И это прекрасно.

Через полчаса после того, как замеченное Биннэ судно успешно приземлилось, о чём пробормотала женщина из диспетчерской, в выходе из терминала среди серо-зелёно-коричневой толпы показалась знакомая фигура – светловолосый коротышка (очень компактный коротышка) с тонкими ногами в бордовом пиджаке с двумя гигантскими бронзовыми пуговицами, небрежно накинутом на оранжевую рубашку. На самом верху неизменно маячила кепка, слишком большая, делавшая голову прилетевшего ещё более непропорциональной по отношению ко всему остальному телу, но уж очень им любимая.

– Веля, с возвращением! – сдержанно поприветствовал его Квалтер, как только тот, приятно удивлённый, поравнялся с ними.

Уилфред (такого имя господина Волокиты) устало улыбнулся. Улыбнулся искренне и по-доброму.

Все уселись в Бинненгтауновский поганенький тарантас и, пробившись на магистраль, поплелись в Новосанктувер. Уилфред прислонился лбом к прохладному стеклу и минут десять молча созерцал до тошнотворности вычищенный, но такой родной пейзаж.

– Оказия, извиняюсь... – решил он всё-таки начать разговор в своей привычной манере – Жёлтое небо, отфильтрованный воздух и искусственный ландшафт... Отец Санкт-Ворпал! – посмеялся он.

– Да, вы дома, господин Волокита, – вмешался Биннэ, – Расскажите, где вы были на этот раз! Пожалуйста!

– Вот так и знал, – покачал головой отец, – Приехал со мной только за тем, чтобы и так измученного человека добить расспросами!

– Ладно тебе, Квалтер. Бедный ребёнок покидает Новосанктувер, извиняюсь, раз в пять месяцев в лучшем случае. Пускай интересуется.

– Ну, если так, рассказывай.

– В общем... Месяц я, извиняюсь, куковал на планете Койбернайю... Тип АЗ – обитаемая, третьего уровня безопасности... Находится в центральной галактике домен-губернаторства Пайтиша, является его столицей...

– А можно что-нибудь поинтереснее?... – разочарованно протянул Бинненгтаун-младший.

– Как же ты станешь пилотом, если не будешь знать типы планет, и политическую географию Верховного Единения?! – ударил по рулю Квалтер.

– Оказия, извиняюсь, друг мой, не думал, что твоя шутка однажды перейдёт в стадию навязчивой идеи...

Тем временем они проезжали под "Вратами Терминации", состоящими из двух обсидиановых монолитов, на которых

были высечены сюжеты конъюнктурных легенд. Врата обозначали въезд в город со стороны северного берега Ситины. Въезд представлял собой самое ухоженное шоссе во вселенной.

Разговор в машине продолжался:

– Навязчивой-ненавязчивой, а дельной! – настаивал Квалтер – Впрочем, хочет поинтереснее – рассказывай поинтереснее...

– Ладно. Представьте: Койбернайю похожа на расколовшийся орех, из которого, извиняюсь, не вынули середину. Грубо говоря, вся планета покрыта каменной безжизненной пустыней-скорлупой, исполосованной огромными, извиняюсь, трещинами от полюса до полюса. В этих трещинах и леса, и долины и даже городки небольшие. На полюсах расположены два неглубоких моря. Из моря северного полюса берут начало реки, текущие в трещинах. Да, сколько трещин – столько и рек...

– И что же, правда тёплые эти реки? – прервал его Квалтер.

– Ты, извиняюсь, думаешь, что у меня было время испугаться?.. Могу сказать только, что это вообще самая тёплая планета в Верховном Единении. Ну, сказал бы лучше, извиняюсь... Комфортно тёплая... Да. Впрочем, ценность водоёмов на Койбернайю не столько в температуре, сколько в бактериях, которые в них живут. Когда они не чувствуют природного света, то сами начинают очень сильно светиться, из-

за чего затемнённые участки планеты из космоса напоминают леденец.

– Или мороженое, – попытался пошутить Биннэ.

– Биннэ, это тёплая планета, – вновь исправил его Квалтер, – В общем, Вилли, ты был на курорте?

– Оказия, извиняюсь... Курорт, тоже мне... Ни дня подышать! Господин Новачек с чего-то решил, что свет этих, извиняюсь, букашек связан как-то со звёздной пылью. Я месяц уговаривал правительство домена дать Конгломерату разрешение разрыть одну из рек!

Квалтер усмехнулся.

– Я читал, что в Пайтише есть король! Вы видели короля? – опять слышался Биннэ.

– Да-да-да-да, кстати, а я читал, что этот король маниакально консервативен. Эмманюэль же? – поддержал того отец.

– Да, его (прости Господи) величество, Джулиан Эмманюэль Гвандербург Восемнадцатый. Он меня чуть из Сверала, извиняюсь, за шкурку не выбросил, когда узнал, зачем я пришёл. Но, это не страшно. Госпожа домен-губернатор оказалась снисходительнее. А с домен-губернаторами даже кримсонские архиепископы не спорят...

– Вам повезло! – похлопал в ладоши Биннэ.

– Да как сказать... Это была непочинственно весёлая женщина лет 40. Мне пришлось пообещать ей, что Конгломерат откроет на Койбернайю как минимум три предприятия по

производству, извиняюсь, кружевного белья.

Квалтер рассмеялся в голос.

– Страшно себе представить, Вилли!

– Да уж... Это тебе, извиняюсь, не "Твёрл-Гёрл"... Даже не Ланита Ивуак.

– А вот о последней не надо... Для Канделючии она очень даже неплоха... – ответил Квалтер с напускной серьёзностью – Биннэ, например, нравится. Не отходит от телевизора, если её в новостях показывают. Мгм...

Биннэ отвернулся, покрасневший. Уилфред расселся как на диване, по-хозяйски.

– Оказия, извиняюсь, а я не понимаю... Похожа на подставку для вазы – сверху есть, снизу нет. И оправа у очков такая, будто она всю жизнь, извиняюсь, занималась сваркой. Одевается так, будто хочет быть похожей на куклу, и красится, словно, извиняюсь, под труп. Правда, Биннэ?

– Да, господин Волокита, так и есть. Да, так и есть!

К 19:35, когда со всех сторон классический имперский Новосанктувер покрылся неоновым освещением и наружной рекламой, зелёная шушлайка, кашляя и чихая, преодолела районы Пассаджер, Президентикут и остановилась в Хокрендже на Губернаторской улице у дома 103. Всё содержимое машины кое-как заползло в единственный подъезд – обитель консьержки, старой семрийки с причёской до потолка, и домоуправителя, тоже семра, но лысого.

Уилфред изо всех стремительно уходящих сил надеялся,

что оба уже спят, но был этой надеждой сурово обманут – за маленьким откидным столиком сидели оба и жевали оставшимися зубами чёрный хлеб.

Здравствуйте, господин Волокита, здравствуйте, милостивый – подбоченилась консьержка – Если в своей квартире не проживаете, так отдайте тем, кому нужнее!

– Оказия, извиняюсь... Поверьте, она сейчас никому не нужна больше, чем мне.

– Ладно, это я шучу. Где были-то?

– На планете Койбернайю. Это... Далеко. От неё, извиняюсь, всего 23 световых года до Скаттернуна...

И ему наконец дали подняться к себе на шестой этаж. Тут он встал перед дверью своей квартиры номер 64 и начал настойчиво стучать.

– Вилли, это твоя квартира, – напомнил ему Квалтер.

Уилфред поставил себе три щелбана.

– Понимаете, я же месяц делил жилплощадь... С очень, извиняюсь, странным человеком... Можно сказать, потерял понятие личного пространства... Знаете, мне показалось вообще, что он последователь какой-то, простите, секты...

– Вилли, тебе надо отдохнуть.

Точно по стандартному времени

Каждый день Уилфреда, за редким исключением, можно чётко и всеобъемлюще расписать:

Утром в 7:08 он встаёт, делает всё, что положено делать утром – иногда он придумывает несколько более креативные методы претворения этих дел: например, обычно он сначала просыпается, потом одевается, потом ест, потом умывается, а может сначала поест, потом умыться, потом проснуться и только потом одеться; или, например, может почистить яблоко и съесть кожуру, а само яблоко выбросить; бывает, он сначала смотрит выпуск утренних новостей, и только потом включает телевизор (стоит ли говорить, что иногда он неверно интерпретирует просмотренное).

В 8:09 он отправляется на работу – в Конгломерат. В свой полупеший-полутрамвайный маршрут он, слава богу, не привносит излишнего творчества.

В 9:10 он прибывает на работу, предъявляет припис-книжку и отправляется на восемнадцатый этаж.

В Конгломерате он занимает должность "директора по связям с общественностью, по статистике и по убеждению особенно упёртых лиц" (да, она и правда так называется). У Уилфреда есть личный кабинет, который он делит со своим ассистентом Маляриком Итченсоном – очень эрудиро-

ванным нэстаном, рассеивающим гнетущую тишину бесконечной интеллектуальной болтовнёй:

– Читал сегодня про проницательность. Знаете, господин Волокита, проницательность – есть способность проницать, то есть – в глубь смотреть. Представляете? В общем, самые проницательные люди, они...

И так далее. Если бы в знаниях этого человека была хоть какая-то система, он добился бы работы получше; *если бы в моих знаниях была хоть какая-то система, вы бы это сейчас не читали.*

Рабочая деятельность Уилфреда была не в пример его общему ежедневному расписанию разнообразна. Он работал с документами, срочно работал с документами, заседал в директорате, срочно заседал в директорате. Он работал с документами дистанционно. Бывает, работал с документами прямо в буфете! Иногда он выезжал с инспекцией, ждал, пока инспекция пройдёт, а потом во всех формах отчитывался перед публикой, что всё хорошо. Уилфред считал себя очень большим хитрецом, ведь он когда-то заранее подготовил текст подобного отчёта и просто произносил его каждый раз – причём так, что публика ничего не замечала. Господин Новачек, генеральный директор Конгломерата, считал его гением, хотя не забывал время от времени на него, мягко говоря, орать – для профилактики.

В 17:18 Уилфред покидает здание Конгломерата и до 19:20 гуляет по городу – особенно ему нравится шагать ту-

да-с сюда по вечно загруженному мосту Централитету или по Набережной, где продают мороженое (нет, продают-то его, конечно, много где, но, как говорится – “не такое”). Иногда он загуливается, и приходит в гости к своей дорогой... Подруге Мариж Иванежик, которой не повезло жить в самом отсталом семрийском районе Новосанктувера – в Дальногорском берегу. Уилфреда это никогда не смущало, благо у него хватало ума понять, что хрупкая интеллигентная особа, вроде неё, не позволила бы себе сделать ничего столь непочинственного, чтобы её выгнали из приличных, исключительно нэстанских мест. Тем не менее, она редко разговаривала о причинах своей ситуации. Уилфред много думал над тем, чтобы тихо забрать её к себе на шестой этаж, правда боялся разного рода недопониманий.

Даже самые тривиальные способы организации досуга для Уилфреда становились немного увлекательнее и теплее, когда он находился с ней за одним столом. Часто они разглагольствовали над вопросами всеобщей несправедливости и альтернативного хода истории. Иванежик давала ему бесплатные уроки вигонижа, который Уилфред только с её помощью смог освоить хотя бы на уровне попугая...

Понятно, что в таком случае, домой Уилфред возвращается не раньше, чем в 20:21.

Где-то с полчаса (если погода благоволит), он любит посидеть на крыше и поесть крыжовники. А если голода не наблюдается – покидаться ими в прохожих. Его основной це-

лью была позолоченная каска его знакомого жандарма Де-люсьвансона, попадание в которую Уилфред расценивал как хороший знак.

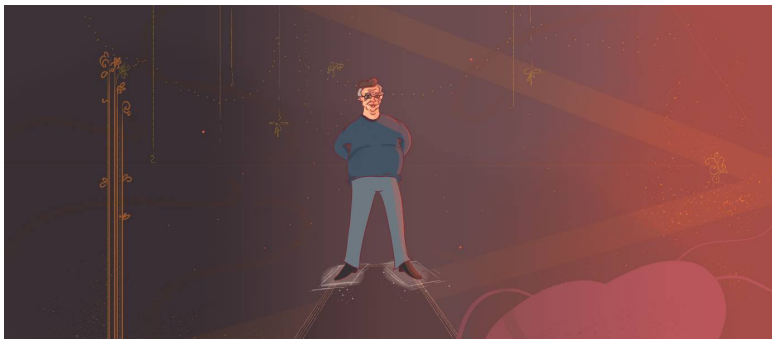
В 21:22 он делает всё то, что люди обычно делают вечером. Тут он часто применяет тот же подход, что и утром – и ему это нравится, хотя он, не будучи придурком, понимает, конечно, что формулировка – "раздеться, после того, как уснуть" – это, само-собой, парадокс. Размышляя над парадоксами, он часто приводил себя к бессоннице.

А утром, за, повторюсь, редким исключением, всё повторялось...

Сегодня его ждало самое редкое исключение из всех возможных.

И совсем не утром.

Картонный параллелепипед и диалог на грани мира

Уилфред имел интересную способность точно разводить сон и реальность (он сам считал, что эта способность необычна, с чем окружающие не спорили). Она часто помогала, но и вызывала множество проблем – он, например, в какой-то непонятной ситуации точно не мог успокоить себя той мыслью, что находится во сне, ведь прекрасно понимал, что во сне не находится. И наоборот.

В первую ночь после его возвращения на Оплот случилось то, что заставило его усомниться в том, насколько совершенно эта способность у него развита.

Он не мог понять, где находится. Его не слушалось тело,

не слушался разум. Казалось, кто-то нарочито "отключил" в нём всё, что делает цивилизованного человека цивилизованным человеком.

Перед ним предстал индивид... Неожиданно, в голову Уилфреда вернулись сложные мысли... С одной оговоркой – только определённые сложные мысли, до которых ему "разрешили" догадаться. Это была первая из этих мыслей. Вторая – то, что этот индивид – не Художник, о чём подумал бы Уилфред в первую очередь, не будь он в таком положении, третья – этот индивид не относится ни к одной расе, созданной Художником.

Неизвестная фигура была одета во всё грязно-синее – на нём было то, что мы, земляне, назвали бы трико и толстовкой. На седой голове у него красовался аккуратный берет. А ещё у него были очки, академически неприятные.

Человек побежал к Уилфреду с необъяснимой скоростью, замахнулся... Бедный нэстан успел увидеть, как близко к нему подлетел кулак. И всё. Тьма. Звук удара и последующего скрипа.

– Оказия, извиняюсь... Неужто я слышу, как мне, простите, разломали лицо, и ничего при этом не чувствую?! – ужаснулся Уилфред.

Его включили обратно. Он открыл глаза и перевёл дух – он не смог понять, что это был сон.

– Удивительно!

Внезапно послышался второй, абсолютно такой же удар.

– Кретин, в дверь стучат! – наставил он себе пять щелбанов, стоя перед зеркалом в одной майке.

В этой же одной майке Уидфред покачался к входной двери... Поставил себе ещё десять щелбанов – "мало ли, кто там"! Надел для приличия кепку и открыл дверь.

Он увидел огромную коробку. А рядом с ней семра в рабочей форме:

– Доставка багажа, милостивый! Извините, что так поздно, вторым рейсом летели... А вообще, знаете... Простите, что так откровенничаю, конечно, но нельзя ли было купить такой же холодильник на Ворпале, а не заставлять целый отряд кое-как грузить его на судно на Койбернайю, потом кое-как вынимать его здесь, а потом, меня одного – тащить его сюда?!

– Оказия, извиняюсь... – Уилфред, в самом странном своём образе, с выражением лица ничем не примечательного, но знающего себе цену ночного мотылька, облокотился о наличник входной двери, демонстративно осмотрел плачевное состояние собственных ногтей и деловито заметил: – Я, извиняюсь, не покупал на Койбернайю никаких холодильников, уж тем более – не заказывал ничего доставлять сюда через, извиняюсь, три галактики, да и вообще [дразнит] – объём моего багажа уместился в одном лёгеньком стильном дипломате!

Курьер, в прямом смысле, свалился с ног.

– Ах ты ж, гажэна! Что же, м-милостивый, вы предлагаете

мне переть его обратно?!

– У вас, извиняюсь, есть идеи лучше?

Курьер пнул коробку и, плюясь, ушёл. Уилфред подождал, пока по эхо его шагов по лестничной клетке не стихнет. Он обводил глазами огромный коричневый макинтош, с которым ему теперь нужно было что-то делать. Шаги потухли. Уилфред глянул в квартиру – часы показывали 0:37.

– Оказия, извиняюсь... Какое некрасивое время! Ничто ни на что не делится...

Он услышал ещё чьи-то шаги, на этот раз – приближающиеся. Это на этаж зашёл домоуправитель. Только его голова оказалась выше уровня пола, и он увидел Уилфреда, так сразу сбежал на три ступеньки вниз в крайнем смущении:

– Ой-й-й-о... Всё у вас в порядке?

– Да, всё порядке, Хоний. Это всё, зачем вы пришли, извиняюсь? Ни с того, ни с сего спросить меня, всё ли в порядке? Взрослый мужчина взрослого мужчину? Это смешно!

– Да что вы, милостивый! Бросьте! Войдите в положение... – Уилфред обернулся полотенцем и подошёл к лестнице: домоуправитель сидел на корточках, прикрыв голову так, будто над ним стреляют – Понимаете, в техническую кто-то стучал, спрашивал: "где живёт господин Волокита?", "где живёт господин Волокита?"... Думаю, не скажу – убьёт... А потом меня осенило – он же вас, получается, убить пришёл... А его так просто пустил! Подождал, пока он спустится и из дома выйдет... И решил сходить, проверить, живы

вы, или нет!

Домоуправитель оставался в этой позе. Он сидел и дрожал. Уилфред с горем пополам затащил "подарочек" в прихожую, запер дверь, пнул коробку и повалился спать дальше.

Засыпая, он думал о том, что мог заставить домоуправителя утащить эту дуру на первый этаж – за то, что "недосмотрел" ...

...

Опять фигура. Сейчас неизвестный в синем просто стоял и смотрел Уилфреду в глаза. Прошло не весть, сколько времени, перед тем, как он заговорил:

– Приветствую вас, господин Волокита, уроженец Второй Планеты!

Уилфреда весьма расстраивал тот факт, что тот, кого он видит – не Художник, потому, что в ином случае, у него возникло бы гораздо меньше вопросов...

– Прошу, не задавайте слишком больших – начните с маленьких.

– Где я?

– Вы здесь.

Уилфред смирился с таким скромным объяснением. Нет, не смирился – из него, наперекор просьбе неизвестного, вырвались сразу все вопросы, и большие и маленькие:

– Кто вы? Зачем я вам? Я знаю, что вы не относитесь ни к одной из рас Энтицеланта, что вы такое? Зачем вы здесь?

Уилфред сам дивился тому, как быстро из него высыпа-

ются формулировки из комиксов за 20 пьюнингов...

– Тише-тише... Если вас это успокоит, я, всё же, отвечу... Я тот, уважаемый Волокита, кто хочет ничего больше, чем сделать историю этого мира... Немного интереснее. Я являлся многим личностям – историческим, и не очень. Теперь я явился вам.

Он вложил в узкий верхний карман пиджака Уилфреда (пиджака?!), микроскопический свёрток чего-то похожего на бумагу.

Неожиданно блок критического мышления, в той, или иной степени присущего Уилфреду, снова заработал и заставил его поверить в то, что он разговаривает с умалишенным. Да, с самым обычным умалишенным со сверхспособностями – всё вполне объяснимо.

– Заметьте, это ещё не всё, что я вам дам...

– Оказия, извиняюсь... Эти слова имели бы смысл, если бы я понимал ценность того, что вы пытаетесь мне, извиняюсь, всучить!

– Поймёте в скором будущем...

– ... Почему делать историю интереснее должен именно я?

– Вы странный, Уилфред. Я вам такую роль предлагаю, а вы задаёте вопросы.

– Ладно... Что мне делать?

– От вас зависит, Уилфред. Мне очень хочется, чтобы Шестой Век этой истории прошёл столь же ярко, как и все

остальные, прежде, чем я её закончу.

– Оказия, извиняюсь... То есть... Я доживу до того момента, как вы... Закончите историю?!

– Очень может быть. Получится оригинальный сюжетный поворот... Можете начинать, Уилфред!

И он снова ударил господина Волокиту по лицу. Только на этот раз звук удара был другим. Хотя тоже очень знакомым. Уилфред не хотел открывать глаза, лежал и вспоминал, что же могло так стучать. Или по чему могли так стучать...

– Кто-то ударил по коробке... – прошептал Уилфред, почти без звука встал с кровати и начал проверку жилплощади.

Он ходил из комнаты в комнату двадцать минут, но так и не смог заметить любых признаков нахождения в квартире кого-либо кроме него. Он отставил торшер, которым готов был защищаться в случае чего, вышел из квартиры, осмотрел площадку – на ней тоже никого нового не было, всё тот же домоуправитель сидел все в той же позе, всё на той же лесенке. И храпел.

Уилфред снова закрылся в своей крепости и уже хотел рухнуть досыпать оставшиеся три часа... Опять стук. Как известно, если нельзя постучать по коробке снаружи... Можно изнутри...

– Оказия, извиняюсь... Ну нет! Ну не додумался же он лететь за мной в коробке! Ну, нет! Нет! Я же не в ситкоме каком-то живу!

Уилфред повключал во всей квартире свет, оделся, взял с

кухни нож, надрезал скотч, открыл коробку... Да. В ней оказался Маркос. Тот самый странный человек, с которым Уилфреду пришлось прожить целый месяц. Тот самый человек, в той самой явно малой зелёной курточке, с теми же самыми глупо выглядящими усами.

Нож выпал из рук Уилфреда.

– Чем я нагрешил?

Маркос проморгался, вспомнил сценарий, выставил вперёд два пакета, полных дешёвого сувенирного ширпотреба.

– Ты подарки в гостинице забыл, олух!

– Оказия, извиняюсь... Все подарки, которые я купил в Сверале, вместе со всем моим багажом прекрасно поместились в лёгеньком, извиняюсь, стильном дипломате! Более того, все подарки я уже раздал. Почти.

– Не сработало? – изумился Маркос.

– Нет. Не сработало.

– Хорошо, давай честно... Да, в коробку залез, да за тобой приехал. Да, меня пнули два раза. Больше того, по пути ещё и три раза уронили...

– Вас, видимо, и до этого, извиняюсь, немало раз роняли.

– Очень смешно, Веля... Ну, так вот... Я же как только в квартире оказался, хотел подождать, как ты уснёшь...

– А как бы, извиняюсь, догадались?

– Интуиция.

– А.

– Ну и... До утра похлопотать, приготовить что-нибудь.

Чтоб ты успокоился, а вот... Дурак! – покрутил он у виска самому себе и состроил гримасу осознания сотворённой глупости – Это же надо было – попросить себя скотчем снаружи заклеить!

– Мне даже интересно, какой, извиняюсь, идиот решил вам в этом помочь.

– Их было трое – меня первый раз грузили в багаж а я выпал. Долго пеленали, пришлось лететь на другом звездолёте. Впрочем, ты знаешь уже.

Уилфред молча ходил из стороны в сторону, погруженный в раздумья.

– А теперь скажите: доставка-то на мой рейс и на моё имя. Как вы смогли оформить её, когда, извиняюсь, я уже улетел?

– Когда ты улетел – никак... Оформил, пока ты был ещё там.

– Вы брали мои документы?! – Уилфред упал на кресло.

– Ради благого дела, Вилли!

– Оказия, извиняюсь... Вы опять будете рассказывать свою сказку? Да не буду я придавать такого значения тому факту, что вы, якобы, извиняюсь, "пришелец". Мы все здесь по планетам скачем.

– Я же из другого супре-суперкластера! Говорю, летели мы... У нашей цивилизации всё туго с космосом... Было. Летели мы как туристы, зарулили не туда – в чёрную дыру... Раз, и вот – я там, а он – непонятно где. Вот я его и ищу!..

Поразительно – один этот разговор оказался способен

вернуть Уилфреда в состояние сдавленности и усталости, от которого он уже почти отошёл. Волокита жестом позвал Маркоса на кухню, поставил чай. Посмотрел на часы: 4:22.

– Вы сбили мой режим, Маркос.

– Извини.

Уилфред сел параллельно гостю, вздохнул и подпёр голову руками. Молчали. Маркос, пользуясь возможностью, осматривал нескромный (как ему показалось) интерьер квартиры и, насколько то позволяли окна, любовался видом с шестого этажа: в Хокрендже преобладала малоэтажная скученная застройка. Сквозь заросли дымоходов, грозди проводов и кусты телевизионных антенн Маркос созерцал колоссальные здания, названий которых не знал: Швераленские высотки, ажурные крыши Главной Аккомодации и Федеральной Торговой Цепи, "прокалывающую небо" Башню Федерации, на крыше пятого, последнего "обитаемого" уровня которой была помещена освещённая четырьмя прожекторами скульптура силача, держащего остаточную часть здания со шпилем – последний казался немного несимметричным из-за этих конструктивных особенностей...

Жаль только, окна кухни не выходили на набережную Ситины. С той стороны можно было бы увидеть Кримсонский Впочинственный Дворец и Островные Палаты.

А ещё Маркоса привлекало небо.

– Там, откуда я родом, Веля – вся эта пыль из светящихся точек, все эти фигуры и линии, если их вообще видно – всего

лишь скопления комков какого-то горящего газа, одинокие и далёкие. А здесь я понимаю, что куда на небе не ткни – везде всё живо.

Уилфред усмехнулся.

– Поверьте мне, Маркос, большинство звёзд, что вы сейчас видите, есть исключительно для того, извиняюсь, чтобы разом потухнуть на два месяца в день Полной Ночи.

...

– Веля, что как не родной?

– Я вам, извиняюсь, и не родной.

– Ну, так на "ты" давай, как все нормальные люди.

Уилфред решил не обращать внимания на полное отсутствие логической связи между двумя последними репликами.

– Я о... Тебе ничего не знаю!

– Обо мне не получится узнать больше, чем я привык рассказывать. А рассказываю я всё.

Уилфред встал и начал наливать чай. Комната, облитая противнейшим оранжевым освещением, то и дело разрезалась ловкой тенью, достающей кружки и пытающейся отличить коробок с сахаром от коробка с солью. Уилфред приготовил самый стандартный чай "Жундр" и поставил на стол.

– Оказия, извиняюсь... Что же предпринять... Смотри, Маркос, что мне грозит, если я откажусь, или не смогу тебе помочь?

– Ничего, Вилли, кроме того, что я останусь жить у тебя.

– Как это?!

– Мне надоело бомжевать. Да и ты не сможешь выкинуть меня на улицу.

Уилфред совершил ещё одну ущербную попытку выглядеть брутальным: заломил руку за спинку стула, сложил ногу на ногу и сжал такое лицо, какое обычно делают комики, когда показывают вечно курящих боссов, которые либо показывают, "кто здесь главный", либо принимают вызов – что, в контексте ситуации Уилфреда, даже скорее всего.

– Так уж не смогу, извиняюсь?

– Ну, я же ещё здесь! На твоём месте, такого человека, как я, я бы сразу сдал в дурдом. Или задолбил бы молотком, пока никто не видит. Я завидую твоему терпению... Думаешь, почему я к тебе и обратился?

– ... А я иногда завидую людям, у которых, извиняюсь, нет терпения.

Маркос ударил обеими руками по столу:

– Вот именно! Я верил, Веля, что ты мне не откажешь!

Уилфред ударил в ответ:

– Как одно связано с другим?

Маркос ударил опять:

– Зачем продолжать бесполезный разговор? Ты всё равно не отвертишься!

Уилфред смирился.

– Значит так... Обещай, Маркос, что это, извиняюсь, не займёт у меня слишком много времени!

– Клянусь!

– Тогда, как зовут твоего друга?

– Карелий Кадкинс.

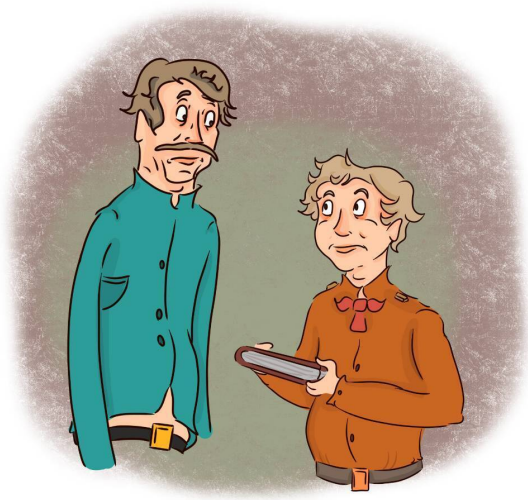
– Оказия, извиняюсь... Где-то я слышал это имя, только не помню, где. Ладно... На какой планете он может быть?

– Веля, понимаю, что человек ты очевидно более образованный, но вопрос странный. Откуда я знаю? Давай что-нибудь посушт-посушественнее.

– Хорошо, ну... Извиняюсь, знаешь его... Вес и рост?

– Веля, ты больной?

Свистопляска начинается с очень бодрого утра

5:48. Уже активно светает. Минут тридцать назад неон полностью сошёл с центра Новосанктувера – тем ознаменовался конец его массовой ночной жизни. Жизнь статусная, дневная, же ещё не началась – заготовка города ждала, когда потоки рабочего и делового люда, а также транспорт, эти потоки местами осушающий, выплеснутся гурьбой на улицы, создав, сами того не замечая, привычный её имидж.

Уилфред и Маркос сидят в гостинной за широким кофейным столиком, заполненным бумагами, атласами и телефонными списками. Ещё на столе стоит громоздкий компьютер.

– Оказия, извиняюсь... Карелий Кадкинс... Я точно-точно помню это имя! Раз уж его, извиняюсь, нет нигде в бумажных источниках, будем искать...

– Подожди, Вилли, как нет?

– Так, нет. Я все переписи по планетам-столицам за прошлый год просмотрел.

– Как просмотрел-то?! Одна книжка шириной с мою ладонь!

– Оказия, извиняюсь! Фамилии и имена на "К" пролистал, и всё.

– Так, а вдруг он их сменил – имя и фамилию?

– Мама дорогая...

– Ладно... Ну, на столицах проверил, а на не столицах?

– Если бы у меня были переписи по всем планетам Единения, мне бы, извиняюсь, пришлось арендовать ещё одну

комнату у соседей под новый шкаф! Не спорь, если, извиняюсь, не сведущ... Сейчас будем, – Уилфред щёлкнул пальцами – Искать в виртуальных источниках.

– Ух ты.

– Да. Отправим запрос в единую запись-канцелярию. Я отсканирую некоторые, извиняюсь, полезные бумажонки из Конгломерата – может, мне дадут детали кондифициальной информации... Извиняюсь... *(Уилфреду ни разу в жизни не удалось ещё правильно произнести слово "конфиденциальной")*.

Маркос заворуженно наблюдал за тем, как Уилфред всё это делал с помощью десятков кнопочек, тумблеров и всего одного светодиодного табло на пять строк, на котором толком не разберёшь, "В" это, или "8". Как только Уилфред закончил заводить данные, он резко нажал на рычажок сбоку адского устройства, и оно издало жуткий истошный вой.

Сразу же со всех сторон водопроводные трубы запели, как православный храм на Пасху. Симфония дополнилась шумом механизма и стуком иголок приём-печать-машины, которая через долгие мучительные пять минут родила на свет маленький квадратный листочек.

– Куда я попал? – взялся за голову Маркос.

Уилфред забрал листочек и гордо прочитал: "В=ДОСТУПЕ=ОТКАЗАНО".

Тишина.

– Оказия, извиняюсь... Значит, твой Кадкинс – либо ка-

кая-то очень важная личность, либо кассайдер, либо уголовник.

– Ни второе, ни третье.

– Надеюсь... В любом случае, мне, наверное, следовало бы собираться...

Не успел Уилфред договорить, как воздух всколыхнула ещё одна симфония (теперь, почти в прямом смысле) – гимн. В качестве гимна Верховное Единение с первых дней своего существования использует подаренную Художником композицию, которую любой мало-мальски образованный землянин сразу бы узнал, и с лёгкостью назвал бы её имя: "Ода к радости". А ещё любой мало-мальски образованный землянин обязательно бы упомянул, что ода эта написана на немецком языке. Никаких земных языков вигонцы не знают (и знать не могли и не могут, *хотя используют преобразованные латиницу и кириллицу для транскрипции своих языков*). То есть... Да, никто из них не понимает, о чём поётся в их собственном гимне. Впрочем, большинству и музыка, и вокал кажутся, по крайней мере, приятно звучащими – поэтому никто особенно не возникает по этому поводу.

Правда, кто бы что не говорил, а действительно приятно звучащей любая, даже самая совершенная, музыка становится только тогда, когда не взрывается сквозь почти кремешную тишину единым, "симфоническим ударом".

Нужно заметить, к тому же, что "даря" вигонцам эту композицию тысячи лет назад, Художник очень предусмотритель-

тельно отрезал её восходящее, напоминающее лесенку начало. Поэтому, стартовала она сразу же с этого громоздкого "Фрё-й-де шо-онер ги-ин-тер-фун-кен... ". Видимо, Художник (гад эдакий), за эти самые тысячи лет до настоящих событий, знал, что два инфантильных детектива однажды рано-рано утром не будут погружены на достаточную глубину сна, чтобы не испугаться...

– Господи, во что я вляпался... – пытался отдышаться Маркос.

– Как тебе сказать, гимн звучит каждое утро в одно и то же время – в 6:30. Все, извиняюсь, нормальные люди в это время спят, либо успевают уснуть... И не замечают. Вот, мы всю ночь не спали, так ещё, извиняюсь, и во времени запутались... Вот и... – тараторил Уилфред. Он не ожидал, что столь привычное явление его так напугает:

"- Это всё, извиняюсь, из-за стечения обстоятельств. Ночи страннее в моей жизни ещё не случалось. Так и этот ещё подскочил, как тут не..." – оправдывался он перед своей и без того истерзанной нервной системой.

Уилфред попытался включиться в свой обыденный утренний ритм. Как же громок оказался его когнитивный диссонанс, когда он понял, что обыденным этот ритм сегодня точно не станет. Во-первых, как ему проснуться, если он даже не спал? Можно ли ночное чаепитие считать завтраком? Да и не раздеваться же ему снова, чтобы выполнить хотя бы один утренний норматив! Однако, получилось умыться. Это ра-

довало.

Уилфред наказал Маркосу сидеть в квартире и не высываться.

Путь до здания Конгломерата сегодня утром тоже очень преобразился – Уилфред не поймал ни одного трамвая, поэтому, чтобы не опоздать, ему пришлось немного пробежаться...

День на работе не задался. Не задался хотя бы тем, что начался с внеочередного собрания директората. Впервые получилось так, что Уилфред залетел в зал последним, окропив лысины господ Зундерсона и Витирсона, директоров финансов и тяжёлой промышленности, каплями пота. Господин Волокита был самым молодым из конгломератских директоров – ему было всего лишь 65 (для сравнения, следующему по возрастанию было 123). Забавным являлось наблюдать, как ярко он, в своём солнечном костюме, контрастировал со всеми остальными, находящимися в аудитории.

Впрочем, был-таки в ней и ещё один человек, мало уступавший Уилфреду в оригинальности внешнего облика: бескультурно кудрявый, редко, когда бритый, всегда ходящий в красно-коричневом жилете в клеточку с, казалось, миллионом крошечных платиновых кнопок, не снимающий засаленных у переносицы и у бровей очков, не вынимающий сигареты изо рта, вечно наглаживающий своего ленивого жирного кота пресловутый господин Карц-Мурель Новачек. Тот самый. Кажется, о нём я что-то уже говорил.

Именно его речь на собрании, по большей части, и предопределила характер всего дальнейшего рабочего дня:

– Рад вас видеть, господа. Здравствуй, Веля... [откашлялся] Хочу начать вот с такого вопроса: когда мы видим человека успешнее нас, чего мы хотим?

Директора сначала переглянулись в тихой панике, потом организованно направили взгляд на господина Тилбурга, заправлявшего транспортом и в тот момент сидевшего напротив спасительно жёлтого коротышки. Тилбург понятным кивком головы вверх спросил спасительного жёлтого коротышку, мол "Чего ему опять от нас надо? Только пришли, никак не могли успеть накосячить!". Уилфред же воспользовался ещё одним своим уникальным умением – пожимать плечами так, чтобы это замечал только определённый круг людей.

Господин Новачек понял, что время, в которое, как он ожидал, директора попытаются найти креативный ответ, плодов не принесло, и решил просто продолжить свою речь:

– Так вот, господа, [откашлялся] когда мы видим кого-то, более успешного, мы хотим его уничтожить. Как минимум... Я, например, пытался уничтожить господина Манейяка пять раз, и каждый из них претерпевал сокрушительнейший провал!

...

Поясню, господин Сайя Манейяк единым своим существованием мешал господину Новачеку стать самым бога-

тым человеком Верховного Единения. Он занимал должность архиепископа кримсонского и председательствовал в Впочинственном комитете — он призывал народ жить скромно и довольствоваться малым. Наверное, именно поэтому он безо всякого стыда грёб всю денежную массу к себе.

...

— Так вот... — продолжал Карц-Мурель, подходя к панорамному окну, — Так вот, господа, я и думаю... [откашлялся] Представим себе, что кто-то из вас по непонятнейшей, надуманной причине захочет уничтожить... — с сумасшедшим взглядом он кибернетически-медленно повернул голову в сторону собравшихся -... Меня! Захочет уничтожить меня?! Так тут и стараться не надо! Архиепископа с магнито-автоматами охраняют! А?! — тут он вдруг автоматически изогнулся, вжал кончики пальцев в лоб и прошептал, так, будто только что до этого догадался: "Куда катимся!", а потом также автоматически вернулся к теме разговора — Сижу в этом кабинете, ничего не заперто — проходи, кто куда хочет, и с чем хочет! ... [откашлялся] Значит так, с этого момента в режим предприятия вводятся дополнительные меры по обеспечению безопасности! Во-первых, сбросили на стол всё, о чём я думаю! Давайте-давайте!

Стол оказался завален электропистолетами, небольшими шокерами, молоточками, капсулами с сильнейшими депри-ваторами, кастетами, шприцами с водой из Ситины, ламини-

рованными альбомами с фотографиями прелестных распутниц на пропитанных змеиным ядом страницах, отравленными фруктами и овощами, дешевыми микрофотоаппаратами, складными ножами, сверхзвуковыми дротиками и много чем ещё.

Господин Волокита не желал остаться неудел. Из бокового кармана он вынул 10 000 тэнций и тоже положил на стол.

– Вот, [откашлялся] единственный, кто меня понял правильно! – прокомментировал Новачек – А вы, господа, уберите этот мусор со стола! [откашлялся] Представить страшно, зачем вам всё это носите!

Директора суетливо расхватили всё обратно (Зундерсон и Витирсон чуть не подрались за ламинированный альбом).

– ...Во-вторых, [откашлялся] назначаю должность внештатного вахтёра – он будет держать ключи для доступа в мой кабинет, и отдавать их по своему усмотрению. И эту должность займёт [драматически откашлялся] Вель-Ой-Уилфред! Как самый понятливый из присутствующих. Аплодисменты!

Директора спохватились и захлопали в ладоши. Уилфред, не успев осознать придавившего его счастья, захлопал тоже...

Весь день господин Волокита только и делал, что производил транзакции ключей то тому, то другому. А ключей было всего лишь три, поэтому ему приходилось запоминать, кому он отдал ключ в прошлый раз, и где владеющая им персона

может находится:

"- Мне ключ к таракану!"

"- Ключи закончились, ближайший на восьмом этаже у господина Маннэ, директора записи."

"- Ой, знаешь, Вилли... Жутко с ним разговаривать. Можешь ты ему сначала позвонить?"

"- Оказия, извиняюсь... Ладно, позвоню... Бегите."

И сразу:

"- Мне ключ к Палкинсону! "

"- Ключи закончились. Скорее всего, скоро освободится у... Господина, который, извиняюсь, ушёл только что вон по той лестнице вниз. Прилизанный такой. Попробуйте догнать. Извиняюсь..."

"- Ой, Вилли, я ему отчёт по отчётности отдела не отправил. Разговор трудно пойдёт, можешь сам позвонить и... Попросить ключ?"

"- Оказия, извиняюсь... Откуда я знаю его номер?"

"- Ладно-ладно, господин Волокита... Я тебе это припомню."

"- Не печалься, старик, ступай себе с богом... Извиняюсь."

И так далее...

В один из редких моментов спокойствия Уилфреда посетили две мысли: первая – за два десятка лет он не смог понять, какого возраста был господин Новачек, ведь в общем он выглядел как обычный, затюканный всеми инстанци-

ями средневозрастной управленец, хрипел и кашлял как старик, а жестикулировал – будто школьник на конкурсе проектных работ; и ни разу не праздновал Дня Рождения. Впрочем, Уилфред быстро отправил эту мысль на свалку бесполезных... Вторая же была больше связана с тем, что творилось дома... Она пришла к нему, когда от скуки он решил порыться в шкафчике вахтёрского комода: три потерянных кем-то припис-книжки за 6-56 год, пять высохших шариковых ручек, непригодная к использованию тепловая пеллета, запывившаяся тетрадка в клеточку, в которой каракулей больше, чем слов, пустая железная наградная цепь... И ключ от "кондитерской". Непонятно, какие пути мышления при этом совокупились, но слово "кондитерская" натолкнуло Уилфреда на предположение, что поискать решение "марковского вопроса" на компьютерах в реестре Конгломерата было бы неплохой идеей...

Он решил дождаться вечера и позвать кого-нибудь для подстраховки.

Ночь электронного таинства

Уилфред догадался-таки, как "кондитерская" могла ассоциироваться у него с реестром – оба отдела находились когда-то на первом этаже. Вернее, реестр-то до сих пор там находится, а кондитерскую Новачек быстро прикрыл, после того, как на спор с министром образования съел там за раз десять пирожных с заварным кремом, запил водой из-под крана и отравился. Впрочем, зачем ворошить прошлое...

17:00. Обычно в это время Уилфред уже начинает собираться. Но только не сегодня. Так рассудив, что те, кому потенциально могли понадобиться ключи от кабинета "тарака-на Палкинсона", давным-давно уже ушли домой, Уилфред покинул пост и направился к себе на этаж. В кабинете одиноко пописывал что-то Малярик. Уилфред обеспечил непрслушиваемость помещения (закрыв дверь) и тихо-тихо объяснил ассистенту свой коварный план.

– Пробраться в реестр? Господин Волокита, я не имею права вас не уважать, но это какой-то сюр! Если нас заметят? – открестился он, от ужаса ударившись головой о низкий потолок своей каморки.

– Оказия, извиняюсь... Мы скажем, что заметили жука, и решили его выманить, чтобы, извиняюсь, в транзисторах не застрял и пожар не устроил.

Господин Итченсон глубоко внутри оценил проработанность тактики отступления, и уже готов был согласиться, но что-то заставило его усомниться в ещё одном аспекте:

– А как мы объясним... Что вообще там находимся? Зачем мы туда пошли?..

Стук в дверь.

В Холле оказался Карц-Мурель, переключенный в "режим мобильности" – это было понятно по появившемуся на нём тёмно-сиреновому сюртуку, ещё более неприятному, чем жилет. Очевидно, большой начальник, наравне с остальными, всё-таки оказался вынужден покинуть здание любимой организации. Где-то в душе он корил себя за то, что не смог продержаться дольше всех...

Тем временем, он нашёл, как без излишней снисходительности попросить подчинёного об услуге:

– Веля, [откашлялся] тебе работать не надоело?

– Оказия, извиняюсь, если вам что-то нужно, говорите сразу!

– Веля, ты что-то путаешь.

"Веля", видя, как расстояние между бровями-ниточками на лице его начальника становится всё меньше, действительно захотел поиграть:

– Это я-то, извиняюсь, что-то путаю? А вы ничего не путаете? Главное, припахали меня, извиняюсь, вахтёрствовать целый день... Бойтесь вы теперь нас, видите ли! Извиняюсь... Слышать смешно! А теперь хотите ещё и ночью на-

грузить?.. Ах бедный я, несчастный... Ни родных, ни друзей не вижу!..

– Веля, заигрываешься. [откашлялся] Всего-то хотел попросить: кот на первом этаже убежал, если найдёте, покормите, пожалуйста!.. Вернее даже... **НАЙДИТЕ И ПОКОРМИТЕ!** Вот так. Если ключи понадобятся – где искать, знаете [тупая усмешка, слившаяся с кашлем]. Ävorde!

И он, запрокинув голову и выпятив нижнюю губу, захромал к лестнице.

– Вот, Малярик, причина, по которой мы и находимся в реестре – кот забежал туда.

Блок реестра был отделён от главного холла прозрачной стеной из нескольких окон – от пола до потолка, разрезанных колоннами из дорогого лакированного дерева. Небольшая, но от того не менее статусная двойная дверь в этот отдел располагалась параллельно огромной и крайне статусной тройной входной двери во всё здание. 65% процентов трудящихся Конгломерата, по утрам расходясь влево и вправо по главному холлу к лестницам и лифтам, постоянно краем глаза да замечали жизнь адептов отдела "жми-на-кнопочки-и-жируй". Понятное дело, каждый из этих адептов тащил за собой по жизни мешок, набитый разного рода клеймами и проклятиями – кое-кому даже предсказали передать его по наследству. Правда, редко кому эти мешки мешали слишком долго – работники реестра вполне имели возможность бросать их с горных склонов Конолулунды, закапывать в землю

на личных планетоидах, набивать их содержимым ракеты и запускать в небо в Ночь Фейерверков.

17:35. Главное освещение в здании отключено. Ореол ночной иллюминации города достаёт лишь на два метра от окон со стороны главного входа. Уилфред и Малярик отыскали незапертый кубикл, убрали всё бумажное, и зажгли три свечи. Положение у обоих вызывало ассоциации с обрядами вигонцев времён Нулевого века, когда те тоже по вечерам целыми племенами вставали в узкий круг, поджигали нечётное число свечей (или чего-либо, вообще способного гореть) и приговаривали: "Aväde ê divê, boväliz äda eji", буквально призывая Художника и девочку Меланджалит спуститься на Оплот и принести какой-нибудь гостинец.

– "Аваде е диве, беовалиж ада эйи". Gêl? Iju evondäliz, ejaiz dorer Viljed?

– Малярик, хотя бы, извиняюсь, здесь... Не надо, – Уилфред кое-как разобрался, как включаются реестрские компьютеры – поворотом ключика на задней панели (благо, днём тут работал какой-то безответственный лоб, забывший его в скважине).

– Простите.

– Не страшно, – Уилфред проводил операцию, аналогичную той, что провалилась дома. Его поистине удивляла тишина, с которой работали устройства, не попадающие обычно на массовый рынок. Эти вычислительные машины совсем не выглядели так, будто хотели совершить акт суицида каж-

дый раз, когда их вообще трогали.

Данные были считаны, разбиты на невидимые импульсы света, и металлические жучки, каждый размером с кварк, понесли их вверх по проводам к центральному хранилищу. Пустой зал наполнился приятным электронным цоканьем. Звучало так, будто все ученики и ученицы младшего отделения Новосанктунверского лицея разом собрались за большим столом и начали по нему постукивать маленькими мягкими пальчиками...

И тут, из центрального холла донёсся такой звук, будто что-то шлёпнулось об пол с неопределённой высоты.

Тут же маленькие мягкие пальчики невинных детей превратились в неприятные конечности шершней-койотов, обитающих на планетах типа В2, а то и хуже (если есть хуже). Уилфред и Малярник телепатически сошлись на мысли: "провалились, так провалились", и синхронно вышли из зала реестра. Малярник не удержался, зажмурился и прокричал:

– Жук застрял в транзисторе, выманиваем!

Уилфред подтолкнул его. Итченсон пришёл в себя.

Оба видели чёртового кота. Он исполнял дурацкую неуклюжую чечётку, которой научил его Новачек себе на развлечение. Кот перетаптывался с одной задней лапы на другую, странно размахивая при этом лапами передними.

– Оказия, извиняюсь... Убьём двух зайцев.

– Я на кота руку не подниму!

– ...Новачек не объяснил, чем его кормить. У тебя, изви-

няюсь, что-нибудь съедобное есть? Кинь ему.

Малярик порылся в барсетке, нашёл пакетик мятных конфет и, не раскрывши, бросил его коту. Уилфред посмотрел на своего ассистента глазами, исполненными осознания форменной безнадёжности.

На удивление, получив такую отвратную плату за танец, кот отреагировал адекватно – уселся, помассажировал пакетик, произнёс свойственное энтицелантским кошачьим "Urmnu", взял пакетик в зубы и ускакал куда-то вверх по лестнице.

– Оказия, извиняюсь... Что же всё такое-странное-то в последнее время?

Вернулись в кубикл. Приём-печать-машина допечатала ответ:

"К.КАДКИНС=СОСТОИТ=В=ОРГАНИЗАЦИИ=НЕПОЧИНЦЕВ".

Уилфред сначала сам прочёл, потом показал Итченсону. Тот воскликнул:

– Ага, организация Непочинцев! Да... Я про неё читал, и до сих пор слежу за состоянием их дел. Крайне интересные личности.

Иногда даже каша в голове людей, подобных Малярику, оказывается полезна.

– Оказия, извиняюсь, и что же ты о них знаешь? Всё рассказывай.

– В общем, это небольшая кучка... "Противоционеров"

– так они себя называют. Почему-то. Они не способны сделать этому государству никакого вреда. Большую часть времени они просто путешествуют по галактикам и зарабатывают тем, что помогают ландерминстерам на сельскохозяйственных планетах.

– Ага...

– Да. Иногда они совершают нападения на транспортные суда крупных организаций, но чаще всего, прошу прощения, лажают из-за малочисленности и отсталости вооружения. Вот и всё. Я бы характеризовал это их общество как приют для, что называется, "сырых и убогих" – не больше.

– Так, и где же их, извиняюсь, можно найти?

– А зачем вам, господин Волокита?

– Ну...

– ...Их форпост находится на Панакантару (-6).

– Что за Панакантару (-6)?

– Планета такая.

– Нормальные планеты так, извиняюсь, точно не называют.

– Что есть – то есть.

Задумчивая пауза.

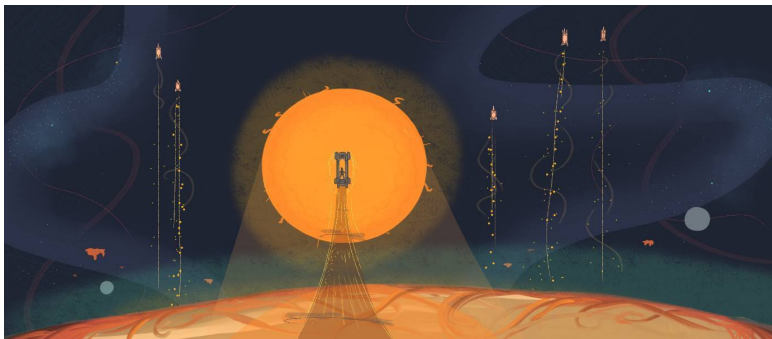
– Ясно... Всё ясно. Редко это говорю, но как же хорошо, что ты, извиняюсь, на меня работаешь, Маля, – Уилфред хлопнул его по плечу – Буду ратовать за то, чтобы тебе подняли зарплату.

– Вы так говорите каждый раз, когда меня хвалите. Вы

правда выполняете обещания?

Уилфред харизматично задул свечи. Пришлось выбирать-ся наощупь. Господин Итченсон подвернул ногу.

Двойственный чай и великолепный подъём

Уилфред тщательно законспектировал всё рассказанное Маляриком. С этой полезной информацией он нёсся по Губернаторской улице.

Он забежал в дом. Посчастливилось проскочить мимо блокпоста консьержки, которая, казалось, весь день только и тратила на то, чтобы подготовить список самых смущающих вопросов, которые только и можно задать измотанному после полного событий дня человеку.

Уилфред полез за ключами... Невидимая сила остановила его и положила его ладонь на ручку двери. Дверь оказалась не заперта. Господин Волокита вошёл. Свет горел по всей

квартире. На полу в прихожей стояли три горшка с цветами – Иванежик часто приносила Уилфреду новые партии комнатных растений, потому, что предыдущие постоянно чахли, так-как за ними большую часть времени просто некому было ухаживать.

Уилфред проследовал в зал – там действовала умиляющая картина: Иванежик, вместе со всем своим педагогическим опытом, пыталась научить Маркоса завязывать красный бантик, без которого любому приличному вигонцу и на улицу стыдно выйти. В куртку подопытного на плечах уже была воткнута пара серебряных драглей – креплений для наградной цепи.

Уилфред наблюдал за этим, стоя в дверях. Прошло немного времени, перед тем, как действующие лица его заметили.

– Вот, Веля, хотела наведаться, сюрприз устроить. А пришлось превращать твоего внезапного друга в приличное существо.

– Оказия, извиняюсь... Сам-то бы я не догадался.

– Ты постоянно торопишься, Веля... – потрясла она перед его носом непонятно откуда взятым одуванчиком.

В коридоре Иванежик сняла верхнюю часть своего жёлтого платья. Сплетение изящных портупей, которое чисто символически соединяло ту с нижней, упало госпоже на ноги. И она, смакуя момент таскать на себе только льняную рубашку, скрылась в комнатах.

Маркос окончательно убедился, что не находится в поле

её зрения и вместе со стулом "подъехал" к Уилфреду:

– Веля, забери её отсюда! Она меня затыкала уже этими кнопочками-заклёпочками... Умываться заставила... Опять!

– А "легенду" твою она слышала?

– Ага.

– Поверила?..

Тут же из коридора послышался наставляющий голос:

– Веля, нэстан называется, к тебе беженец из иного суперкластера попал! 15 лет в бегах...

– 15 лет, извиняюсь?! Это что-то новое.

– [шёпотом] Ну, не год же, Веля!

– ...А ты даже грамотный приём не оказал!

– Зря вы так! – с открытой душой вступился Маркос – Он меня очень неплохо встретил ночью. С ножом в руках!

Уилфред посчитал необходимым объяснить:

– Оказия, извиняюсь... Меня замучила очередная бессонница и я, извиняюсь, решил сделать себе бутербродов. И забыл убрать нож, когда он появился.

– Не знала, что ты прибегаешь к таким архаичным методам... Бороться с бессонницей перееданием, Веля.

– Оказия, извиняюсь, Фоатьэлька, я не заканчивал ни одного института, откуда мне знать, какие методы, извиняюсь, архаичны, а какие – нет?

Иванежик покачала головой и вышла в коридор, откуда позвала:

– Веля, поможешь стол для чая накрыть?

– Конечно-конечно, иду.

Его остановил Маркос. Уилфред угадал его мысли по беспомощным щенячьим глазам:

– Не волнуйся, сегодня, извиняюсь, первый и последний вечер, когда ты её видишь. Введу в курс дела позже.

Маркос пытался остыть, но уж очень туго сдавливал его шею красный бантик. Он наблюдал за тем, как двое курсировали из кухни в зал (и обратно), принося всё необходимое для успешного чаепития. Моменты, когда они находились друг рядом с другом, непорядочно четко фотографировались в памяти Маркоса и приводили его в состояние вопиющего социального ужаса. Мариж Иванежик была на две головы выше Уилфреда, и чтобы им как-либо взаимодействовать друг с другом, либо ему приходилось вставать на цыпочки, либо ей – сгибаться в три погибели. И как же хорошо, что Маркос не знал ещё одного спорного факта: Иванежик была старше Уилфреда на десяток лет – ей было 75.

Оба зависли на кухне:

– Веля, ты отсутствовал месяц! Я хотела поздравить тебя с возвращением, и что я узнаю? Теперь ты ведёшь дружбу с такими людьми! Я ничего против не имею, но он же... Прости, пожалуйста, ЗПР! И лексикон у него!..

– Да, фоатъэлька, есть, извиняюсь, подозрения.

– Ну, он мне свою историю рассказал, я уж подыграла. Говорю, давайте я вас в нормальный вид приведу. Правда –

он же опозорил бы тебя на улице!

– Да-да-да-да. Обещаю тебе, это первый и, извиняюсь, последний вечер, когда ты его видишь. Сейчас будем пить чай, и я всё объясню.

Сели пить чай.

Уилфред встал и начал, собственно, объяснять:

– Мне удалось найти немного информации о друге Маркоса, том самом Карелии Кадкинсе...

Маркос заёрзал от счастья. Мариж натянула улыбку.

– Карелий Кадкинс этот как-то относится к, извиняюсь, организации Непочинцев...

Иванежик ахнула.

– Ты, извиняюсь, тоже что-то о них знаешь? – Уилфред испугался оказаться самым несведущим.

– Нет, Веля. Но нормальные организации так точно не называют.

– Да, я тоже так подумал... Но... Не стоит волноваться... Члены её не настолько опасны, какими хотят выглядеть. И, при должном, извиняюсь, отношении, мне и Маркусу, может быть, даже удастся настроить с ними диалог... В данный момент Непочинцы осели на планете... Панакантару (-6) – да, так и называется...

Иванежик ахнула ещё раз.

– Фоатъэлька, ты знаешь, где находится эта планета?

– Нет, не знаю, Веля. Но нормальные планеты так точно не называют.

– Оказия, извиняюсь, мы с тобой мыслим одинаково. Я тоже так сначала подумал. Я так, извиняюсь, до сих пор думаю... Тем не менее, организовать туда небольшую, чуть ли не прогулочную экспедицию – единственный способ справиться со всеми возникшими обстоятельствами...

Иванежик, со непонятными чувствами, размешивала сахар в чашке (она никогда раньше не клала в чай сахар).

– И сколько же продлится ваша прогулочная экспедиция?

– Надеюсь, не больше трёх дней, – Уилфред не знал, сколько продлится их прогулочная экспедиция.

– А на чём вы полетите?

– Я всё организую, не беспокойся... По крайней мере, попытаюсь. Единственный вопрос к Маркосу, – Мариж взглядом намекнула Уилфреду, что с такими людьми "нужно общаться по-особенному", ему пришлось повиноваться – У-те-бя-е-с-ть-хоть-какие-ни-будь-до-ку-мен-ты?

Маркос посмотрел на обоих, как на идиотов:

– Эн-йэ-а... Не-а. Но ты, Веля, по этому поводу не дрожи. С-э-тим-я-с-ам-с-п-рав-люсь!

Госпожа Иванежик встала из-за стола и выскочила в прихожую. Уилфред догнал её – она восстановила целостность своего платья и накидывала теперь лёгенький фиолетовый шарф, который носила и в тепло, и в холод. Она всхлипывала.

– Всего три дня, извиняюсь.

Иванежик склонилась над ним и погладила по голове:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.